

Нѣсколько чертъ для характеристики князя К. К. Острожскаго.

Въ теченіе протекшихъ 300 лѣтъ со дня смерти кн. К. К. Острожскаго (8 февраля 1608 года), ему посвящено было безчисленное множество панегириковъ и всякаго рода статей; появились даже и монографіи; но онѣ, во 1-хъ, не исчерпываютъ всего того матеріала, который имѣется въ русскихъ и польскихъ архивахъ для полной характеристики знаменитаго поборника православія, и, во 2-хъ, не изучаютъ дѣятельности князя въ связи съ его временемъ; вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе слабости критическаго анализа фактовъ времени кн. К. Острожскаго, дѣятельность его не представляется правильно очерченной, а личность его, не ретушеванная критикой, остается блѣдной. Предъ историками лежитъ огромной важности работа. Личность кн. К. К. Острожскаго должна освѣтить собою всю вторую половину XVI в. и начало XVII в., такъ какъ это было время самого глубокаго измѣненія коренныхъ условій русской жизни. Оно дало направленіе всей дальнѣйшей жизни Южной и Западной Руси. Это было время политическаго и культурнаго подчиненія Руси Польшѣ, время образованія и разъединенія сословій, время начавшагося развитія крѣпостнаго права, время выработки новыхъ законодательныхъ актовъ, время

ожесточенной религиозной борьбы, время возникновенія козачества и выступленія его на открытую борьбу за исконныя начала русской жизни. И во всѣхъ этихъ крупнѣйшихъ явленіяхъ политической, экономической и религиозной жизни края князь К. К. Острожскій являлся виднѣйшимъ дѣятелемъ, а иногда стоялъ и во главѣ движенія. Къ сожалѣнію, архивный матеріалъ, касающійся дѣятельности кн. Острожскаго, даже собрать никто еще не пытался. Это трудъ не для одного, а для нѣсколькихъ ученыхъ. Онъ такъ многочисленъ, что мы даже бѣглый обзоръ его не можемъ сдѣлать въ то короткое время, какое обыкновенно назначается для докладовъ въ научныхъ засѣданіяхъ, и потому въ настоящемъ чтеніи предполагаемъ ограничиться лишь указаніемъ на двѣ черты въ дѣятельности кн. Острожскаго: 1, на его отношеніе къ крестьянскому вопросу и 2, на его отношеніе къ дѣламъ львовскихъ епископовъ.

1.—Кто имѣлъ возможность просматривать актовыя книги центральныхъ архивовъ за время изданія 2-го и 3-го Литовскихъ Статутовъ, тотъ, конечно, не могъ не обратить вниманія на большое количество актовъ, касающихся вотчиннаго суда и возникавшихъ, или изъ-за требованій этого суда, или изъ-за протестовъ противъ него. Въ однихъ актахъ мы находимъ жалобы владѣльцевъ имѣній на то, что сосѣдній владѣлецъ ограбилъ ихъ крестьянъ, подвергъ побоямъ и заключилъ въ „везенье“ (тюрьму) въ своемъ селѣ, а иногда даже „каралъ ихъ горломъ“ (т. е. вѣшалъ), иными словами: совершилъ самосудъ надъ чужими крестьянами, безъ вѣдома и согласія ихъ владѣльца. Въ другихъ актахъ, наоборотъ, потерпѣвшіе владѣльцы имѣній жалуются на самоуправство „подданныхъ“ (т. е. крестьянъ), сосѣднихъ владѣльцевъ и на то, что эти послѣдніе владѣльцы отказываютъ потерпѣвшимъ въ удовлетвореніи и какъ-бы

покрываютъ всякія самоуправства своихъ крестьянъ. Подобные акты до того многочисленны, что утомляютъ вниманіе читателя. Весьма многіе изъ нихъ касаются князя К. К. Острожскаго, который всегда упорно отказывался производить судъ и наказывать какъ своихъ крестьянъ, такъ и вообще лицъ, жившихъ на территоріи его обширныхъ владѣній. Изъ огромной массы жалобъ на кн. Острожскаго мы укажемъ на двѣ особенно важныя, въ виду того, что у кн. Острожскаго требовался судъ надъ извѣстнымъ священникомъ Даміаномъ Наливайкомъ, роднымъ братомъ вождя перваго козацкаго возстанія Северина Наливайка, преподавателемъ Острожской школы и авторомъ нѣсколькихъ сочиненій. Этого-то свящ. Даміана Наливайка Александръ Семашко, брацлавскій каштелянъ и, въ то же время, луцкій староста, обвинялъ „яко разбойника“ и требовалъ „отъ кнежати его милости воеводы кievскаго“ — „справедливости“. Семашко обвинялъ свящ. Даміана Наливайка въ томъ, что онъ, вмѣстѣ съ отрядами князя Петра Вороницкаго и п. Александра Гулевича, поддерживавшими смуту и участвовавшими въ козацкомъ возстаніи, напалъ на его г. Тучинъ, разорилъ господскій домъ, заграбилъ лошадей и рогатый скотъ, ¹⁾ и все это увезъ въ г. Острогъ. Князь же Вороницкій и п. Гулевичъ, проводивъ свящ. Даміана, на обратномъ пути, въ имѣніи того же Семашка с. Коростятинѣ обрѣзали уши 11-ти крестьянамъ; ²⁾ въ то же время и въ Острогѣ посланные Семашка, требуя возврата заграбленнаго имущества, не имѣли успѣха: свящ. Даміанъ не только не возвратилъ заграбленнаго, но грозилъ побоями этимъ посланнымъ: „коло губы почаль кивати“ рукою „и до кія порвался“,

¹⁾ Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. 1, 95.

²⁾ Тамъ же, стр. 97.

а потомъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Севериномъ, гналъ и преслѣдовалъ ихъ. Братъ же острожскаго старосты, Ждана Боровицкаго, котораго слуги Семашка просили дать „вижа“ для осмотра заграбленныхъ лошадей, отвѣтилъ имъ: „вижа я вамъ дати не могу, але вамъ ражу: уѣждчайте оттоль прочь, бо всѣ погинете“ ¹⁾). Слугамъ Семашко осталось только принять этотъ добрый совѣтъ. Тогда п. Семашко обратился къ самому князю К. К. Острожскому, но „княжа его милость“ также „справедливости“ потерпѣвшему „не вчинилъ“ и за это былъ привлеченъ имъ къ суду кременецкаго старосты на 19-е декабря 1596 г.

Въ этомъ же декабрѣ возникло и другое подобное же обвиненіе; возбудилъ его не менѣе извѣстный Кирилль Терлецкій, луцкій и острожскій епископъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ церковной уніи. Кирилль Терлецкій обвинялъ своего слугу Флоріана Гедройца, какъ „здрайцу“, который, въ февралѣ 1596 г., вмѣстѣ съ „свавольникомъ и злочинцемъ короннымъ Семеріемъ Наливайкомъ“, предводителемъ возстанія, разорилъ имѣнія Луцкой епископіи и заgrabилъ личное имущество епископа и его брата Яроша Терлецкаго. Золотыя и серебряныя вещи Гедройць и Наливайко передали частью „попу острожскому Демяну“, частью мѣщанину Старушичу „на робене мисюрокъ и сагайдаковъ“ ²⁾). Король, по жалобѣ луцкаго владыки, далъ ему грамоту къ кн. К. К. Острожскому съ правомъ арестовать у него виновныхъ, укрывавшихся въ г. Острогѣ, и требовать „учиненя зъ нихъ неотволочной справедливости“; но острожскій староста Жданъ Боровицкій, по приказанію князя, не только

¹⁾ Арх. Ю.-З. Рос., ч. III, т. 1, стр. 99.

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

не выдалъ виновныхъ, но даже посланныхъ владыкой шляхтичей, сперва, раздѣвши ихъ, „постронками бити хотѣлъ“, а потомъ разсадилъ ихъ по тюрьмамъ, морилъ голодомъ и, наконецъ, отправилъ въ Кременецкій замокъ, гдѣ они и были освобождены какъ невинные.

Оба эти дѣла Семашка и Терлецкаго довольно ярко освѣщаютъ событія и характеры людей той эпохи.

До сихъ поръ, этимъ и всѣмъ другимъ подобнымъ же фактамъ давалось объясненіе въ томъ смыслѣ, что князь К. К. Острожскій, безуспѣшно протестовавшій противъ уніи по Брестскомъ сеймѣ, оказывалъ сочувствіе и поддержку возстанію Северина Наливайка, укрывавшагося въ г. Острогѣ. Но это объясненіе можетъ быть принято лишь отчасти. Козацкихъ грабежей князь К. Острожскій вовсе не поддерживалъ, потому что разореніямъ отъ нихъ подвергались и его имѣнія. Онъ не только воевалъ съ козаками подъ м. Пяткой, но и принялъ сеймовое постановленіе объ уничтоженіи козачества. Если же князь Острожскій не давалъ „справедливости“ Семашку, Терлецкому и друг. панамъ, потерпѣвшимъ отъ грабежей болѣе или менѣе близкихъ къ нему лицъ или укрывавшихся и жившихъ въ его резиденціи, Острогѣ, и прочихъ его имѣніяхъ, то совершенно по иной причинѣ. На эту причину кн. Острожскій и указываетъ въ одномъ актѣ, записанномъ въ Луцкую замковую книгу, хранящуюся въ Центральномъ Архивѣ. Во 2-мъ Литовскомъ Статутѣ, изданномъ въ 1566 году собственно для Волыни, наблюдается тенденція къ ограниченію правъ крестьянскаго сословія и усиленію надъ ними помѣщичьей власти. Они подчиняются не общимъ судамъ, какъ люди вольные, а суду владѣльца имѣнія, какъ его „подданные“. При своемъ утвержденіи, Литовскій Статутъ 2-й редакціи, 1566 г., встрѣтилъ противорѣчія со стороны волынскихъ пановъ.

Но болѣе громко протестовалъ противъ него кн. К. Острожскій. Артикуль Статута о расширеніи помѣщичьяго суда подвергся съ его стороны наибольшему отрицанію. Поэтому, когда отъ князя Острожскаго пострадавшіе требовали „учиненія справедливости“ по жалобамъ, подобнымъ тѣмъ, какія изложены нами выше, и ссылались при этомъ на Литов. Статутъ, то онъ приказалъ своимъ „урядникамъ“ и „старостамъ“, управлявшимъ его имѣніями, неизмѣнно отказывать въ судѣ жалобщикамъ и объяснять, что онъ, кн. Острожскій, и „все паны-волынцы на тотъ артикуль не зезволяли и его не вживаютъ“, ¹⁾ т. е. обвиняемые въ какомъ-либо преступленіи должны быть или судимы на мѣстѣ преступленія владѣльцами имѣній или передаваемы въ королевскіе замки и въ городскіе суды, пользовавшіеся Магдебургскимъ правомъ. Но если кн. Острожскій послѣдовательно проводилъ въ жизнь высказанную имъ мысль, то другіе „паны-волынцы“, какъ показываютъ актовыя данныя, часто этотъ спорный артикуль выполняли. Такая неустойчивость въ проведеніи принципа неподсудности помѣщичьему суду свободныхъ людей и крестьянъ создавала на Волини большой хаосъ и приводила ко многимъ насиліямъ, самоуправствамъ и грабежамъ, которые, безъ указаннаго нами объясненія кн. Острожскаго, являются совершенно непонятными. Это объясненіе, по нашему мнѣнію, является одной изъ важныхъ чертъ для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности кн. Острожскаго съ лучшей стороны, какъ противника развитія помѣщичьей власти не только надъ своими крестьянами, но и надъ людьми свободныхъ профессій, жившими на его обширной территоріи. Конечно, кн. Острожскій не пред-

¹⁾ Луцк. грод. книги 1566 г., хранящіяся въ Центральн. Архивѣ.

полагалъ, что его усилія напрасны, хотя, быть можетъ, и видѣлъ, что жизнь идетъ въ противоположномъ направленіи.

2.—Другую интересную черту для характеристики кн. К. К. Острожскаго мы находимъ въ письмѣ его къ уневскому и дерманскому архимандриту Исaihъ Балабану. Письмо это хранится въ подлинникѣ, въ небольшомъ архивѣ Общества Нестора-лѣтописца, куда оно поступило отъ покойнаго почетнаго члена Общества протоіерея П. Г. Лебединцева. Письмо относится къ 8 августа 1607 г., т. е. написано ровно за полгода до смерти кн. К. К. Острожскаго. Писано оно, конечно, секретаремъ князя, какимъ-либо „дьякомъ“ и лишь подписано имъ собственноручно. Какъ извѣстно, симпатіи кн. К. Острожскаго къ львовскому епископу Гедеону Балабану и его братьямъ были давни, но они усилились послѣ Брестской уніи 1596 г.; ихъ сблизила борьба съ общимъ врагомъ; въ этой борьбѣ семья Балабановъ играетъ видную роль. Подобно кн. Острожскому, она заботится о распространеніи просвѣщенія и книгопечатанія въ Галичской Руси. Когда, напр., умеръ извѣстный русскій первопечатникъ Иванъ Федоровъ, работавшій передъ смертью, въ 1583 г., во Львовѣ и заложившій свою типографію за 1500 пол. злот. одному львовскому еврею, то Гедеонъ Балабанъ выкупаетъ ее на средства братства и пишетъ окружное посланіе ко всѣмъ благочестивымъ христіанамъ „всходней вѣры“, съ просьбой о пожертвованіи; въ посланіи онъ упоминаетъ и о заслугахъ въ этомъ дѣлѣ кн. Острожскаго ¹⁾). Извѣстно также, что племянникъ Гедеона Феодоръ Балабанъ открылъ въ с. Стратинѣ типографію, которая, издавъ всего лишь двѣ книги (въ 1604—1606 гг.) приостановилась вскорѣ за смертью своего основателя. Другого племянника львовскаго епископа, Григорія, въ

¹⁾ См. Приложение № I.

монашествѣ также Гедеона, кн. Острожскій поддерживаетъ въ занятіи имъ богатой Жидичинской архимандріи, которую старался захватить луцкій епископъ, отступникъ отъ православія, Кирилль Терлецкій. Наконецъ, по смерти львовскаго епископа Гедеона Балабана, кн. Острожскій употребляетъ всѣ старанія, чтобы епископомъ былъ назначенъ третій племянникъ Гедеона, Исаія, который съ этой цѣлью взялъ даже въ свое управленіе епископскія имѣнія и церковное имущество. Къ этому моменту и относится наше письмо ¹⁾. Но по отношенію къ семьѣ Балабановъ недружелюбно было настроено Львовское братство и стало на сторону другого претендента на Львовскую епископію, Евстафія, в послѣдствіи въ монашествѣ Іереміи, Тисаровскаго.

Наше письмо и важно въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ общую оцѣнку дѣятельности семьи Балабановъ на пользу православія и свободы совѣсти по взгляду кн. Острожскаго на эту дѣятельность, сходную съ его собственной дѣятельностью. Высоко оцѣнивая то, что сдѣлано семьей Балабановъ, онъ, конечно, долженъ былъ бытъ полонъ сознанія важности и плодотворности и своихъ трудовъ. Кн. Острожскій какъ-бы указываетъ въ письмѣ на тотъ стимуль, какимъ онъ руководился, распространяя просвѣщеніе и борясь за православіе. Такъ, онъ пишетъ, что „тщательность, праце, кошты и инне отваженя вш. мил. за церковь Божую и за свободу сумненя христіянскаго видечи и то всему домови вш. мил. признаваючи“, „виннымъ“ себя считаетъ „слушне зычити и помогати до всего“, главнымъ же образомъ, помогать Исаіѣ Балабану въ достиженіи епископской кафедрѣ. При этомъ кн. Острожскій сообщаетъ Исаіѣ Балабану, что онъ по этому поводу посылаетъ королю

²⁾ См. приложение № II.

письмо и отправляетъ спеціальныхъ волынскихъ пословъ съ ходатайствомъ, чтобы Балабанъ „былъ захованъ при старымъ привилею свимъ, а нового незвычайного, абы намъ не входило въ церковь нашу“. Въ заключеніе, кн. Острожскій къ обычнымъ любезностямъ письма, написаннмъ его личнымъ секретаремъ, собственноручно прибавляетъ: „сынъ послушный княжа Острозское, тапи ргоргіа“. Ходатайство князя однако не имѣло успѣха; грамоту на Львовскую епископію получилъ Евстафій Тисаровскій, а Исаіѣ Балабану былъ присланъ королемъ строгій приказъ передать епископскія имѣнія и церковное имущество новому епископу.

Князь Острожскій, въ виду такого исхода дѣла, отдалъ Исаіѣ Балабану Уневскую и Дерманскую архимандріи, назначивъ его „строителемъ“ и всѣхъ другихъ своихъ монастырей, при чемъ Исаія не переставалъ именовать себя „блюстителемъ Львовской епископіи“. Въстѣ съ тѣмъ, кн. Острожскій поручилъ ему завѣдываніе типографіей. Тамъ Исаія оставался и по смерти князя К. К. Острожскаго. Въ 1611 году онъ готовится къ печати переводъ сочиненія карійскаго епископа Феодора Авукара противъ еретиковъ; послѣ указаннаго выше года объ Исаіѣ Балабанѣ прекращаются свѣдѣнія; около этого времени, вѣроятно, послѣдовала его кончина¹⁾.

Таковы были взгляды кн. Острожскаго на жизнь и людей, взгляды, которыми онъ руководился въ своей дѣятельности и правильная оцѣнка которыхъ, хотя еще и нескоро, будетъ сдѣлана нелицепріятнымъ судомъ исторіи.

И. Каманинъ.

¹⁾ „Чтенія въ Истор. Общ. Нест.-лѣтописца, кн. VII, отд. III, стр. 29—38.

I.

Окружное посланіе львовскаго епископа Гедеона Балабана ко всему духовенству и мірянамъ съ просьбой о содѣйствіи выкупить у евреевъ типографію, заложенную имъ за 1500 золотыхъ московскимъ типографомъ Иваномъ Ѳедоровымъ,—7-го ноября 1585-го года.

Преосвященным и въ Бозе велебным их милостям архиепископом, игуменом, протопопом, священником и всему причту церковному; ясне велможнѣм их милости княжатоу, паном, воеводом, каштеляном, старостам, зацне врожоным паном подстаростим и всякому врядуви належачоу, также всему стану рыцарскоу, славетным паном бурмистром, радцам и всѣмъ повсюду православным христіаном.

Се аз, Гедион Балобан, епископъ галицкій, львовскій и Каменца-Подолскаго,—молитвы моя залецаю до милостивое ласки ваше милости всем вобец и ознаймем сим нашим листом, ижъ, за волею Божею, никоторых часов недавно прошлых устроилося было писмо друкарское через Ивана Москвитина, друкаря, памяти добре годного, споможением благочестивых пановъ а православных христіан, а найбільше его милости христолубивого и благочестивого княжате, пана а пана Константина княжате Острозскаго, воеводы киевскаго; которого устроенного писма друкарского, благодатию Божиєю, показалися цер-

квѣмъ Божиимъ на потребу и православнымъ христіяномъ ко науцѣ книгъ не мало. Но иже тойъ Иванъ, друкарь, помыслилъ былъ больше книгъ ремесла своего друкарскаго на потребу церквамъ святымъ розмаитыхъ для хвалы Божіей а науки православнымъ христіяномъ выдати, на що зближился былъ со всѣми варстаты своими до мѣста славнаго Лвова; в томъ волею Божіею прышелъ часъ скончитися животу его, впадши въ болѣзнь ко смерти; и къ той потребѣ своей оныя варстаты усѣ, со всѣми належачими штукамы, заставилъ взгиненое имя до жидовъ в сумѣ немалой, в полторы тысячи золотыхъ, щого тыжъ и долги своя платилъ; и, по скончании живота его, знашлися таковыя купчиkové, хотѣвши оныя усѣ материцы и приправы друкарскія купити а до Московское землѣ з панствѣ его королевской милости вывезти, скарбъ особливый загубити изъ шкодоу немалую церквамъ Божиимъ и всему православию закону греческаго.

Ино я, ужалившись таковое шкоды, абы той скарбъ до чужой землѣ не выношался, хотячи тыжъ послужити в томъ Господу Богу и всему православному христіянству, чинячи повинности своей епископской досытъ, хотяя же не маючи на то доходовъ, но, надѣючися на Господа Бога а на православныя христіяны, купили есмо тые всѣ приправы друкарскія, до друкарнѣ належачіе, за туюжъ суму, яко и заведены были, за полторы тысячи золотыхъ, весполкъ с паны мещаны лвовскими, которые, тые инструмента всѣ сторговавши у жида, взялисмо ихъ до рукъ своихъ в скарбницу церковную, давши на себе записъ жидови, з великимъ варованемъ тые полторы тысячи золотыхъ дати на часы певныя.

Прото тую справу до вѣдомости вашихъ милостей всѣмъ вовецѣ доношу и утѣкаюся с покорною прозбою до милостивое ласки (вашихъ) милостей, благочестивыхъ и хри-

столубивых православных християн о споможение заплаты того святобливого дѣла, чим кого Господь Бог научит и vorазумит по силѣ в. м., а то для размножения хвалы Вседержителя и для науки святому православию за свое отпущение грѣхов и вѣчное богомолство, за що заплата будет вашим милостям во царствіи своем небесном от Спаса и Владыки Бога нашего.

С которым-то посланцем своим послалисмо ко вашим милостям православным християном.

За которым посланцем ваших милостей прошу,¹⁾ жебы в. м. рачили его, до себе вдячне принявши, ласкове от себе отпускати.

А с тым милости Божия и Пречистое Его Матере благословение Божие и молитва моя за в. м. вставичная есть всегда.

Писан во Лвовѣ, мѣсеца ноебра 7 дня, року Божого тысяча пятсом осмьдесят пятого.

Гедион, епископ, власною рукою, тр.¹⁾

(М. П.).

(Изъ отдѣльныхъ документовъ Централ. Архива).

Приписка на оборотѣ посланія: „Notifikatia Gedeonis Balaban, ep-pi ruth. leopol., de emptione tipographiae olim Ioannis Moschi, pro florenis 1500. Datt. Leopoli. Die 7, IX—bris a—o 1585.

¹⁾ Подчеркнутыя слова написаны собственноручно епископомъ Гедеономъ Балабаномъ.

II.

Письмо князя Константина Константиновича Острожскаго къ уневскому архимандриту Исаиѣ Балабану по дѣлу о назначеніи его на Львовскую епископію,—8 августа 1607 года.

Милост. отче архимандрите Уневский!

Тщаливост, праце, кошты и ине отваженя в. м. за церковь Божую и за свободу сумненя христіянского видечи и то всему домови в. м. признаваючи,—слушне зичити и помагати до всего винен в. м. И в том разе пишу до кр(оля) его мл. и выправую умыслне през паны послы волынские, абыс в. м. был захован при старым привилею свым, а нового незвычайного абы нам не входило в церков нашу. На што який респонс одержим, не занехам в. м. яко найпрудше ознаймити. Тым часом в. м. повинности свей не лишайся.

Ласце и приязни в. м. за тым се отдаю.

З Острогу, ѿ(8) августа, ѿз (року?).

В. м. зыч. пр. и *сын послушный* Константый княжа Острозкое, в. киевскій, рука власна.

Кн. Острозское, ¹⁾ тр.

(Изъ отдѣльныхъ документовъ Библіотеки Историч. Общества Нестора-лѣтописца).

Примѣч. На оборотѣ письма двѣ слѣдующія приписки:

¹⁾ Курсивомъ набранныя слова собственноручно написаны кн. К. К. Острожскимъ.

1-я: В Бозе велебному его милости господину отцу Исаию Балабану, архимандритови уневскому, своети велице ласковому господину и приятелю, отдат.

2-я: List od xcia Konstantyna Ostrog., woiewody kijowskiego, marszałka ziemi Wołyn, do oycy Isaij Balabana, archimandryty dermanskiego, aby przy starym przywileju był chowan, a nowego nie używał nic niezwyčajnego.

D. 8 aug. 1607, w Ostrogu. Derman. Hus.

Примѣч. Письмо написано на обыкновенномъ листѣ простой писчей бумаги; листѣ былъ сложенъ въ видѣ конверта и запечатанъ; слѣды печати ясны; первая русская надпись была адресной, а 2-я—надписью, надо думать, архивиста Дерманскаго монастыря, гдѣ жилъ тогда Исаія Балабанъ.

